

Р. Г. СКРЫННИКОВ

Духовное завещание царя Ивана Грозного

Духовное завещание царя Ивана наряду с его письмами принадлежит к числу интереснейших памятников древнерусской литературы. Источник этот давно введен в научный оборот, но донныне использование его затруднено вследствие двух обстоятельств. Прежде всего, завещание сохранилось в единственной, сильно испорченной, поздней копии. Помимо того, в его тексте отсутствует точная дата.¹

Академик С. Б. Веселовский посвятил царской духовной обстоятельное исследование. По его мнению, Грозный составил свое завещание не ранее апреля—мая 1572 г. В тексте духовной упомянуты имена царицы Анны Колтовской и митрополита Антония, но помолвка царя с Анной состоялась в апреле 1572 г., а Антоний занял митрополичий стол через месяц.² По предположению С. Б. Веселовского, завещание появилось на свет в дни татарского вторжения летом 1572 г., когда Иван вынужден был спастись от неприятеля в Новгороде и испытывал смертельную тревогу за свою судьбу. Вследствие этого завещание проникнуто тревожным настроением и мрачными предчувствиями. «Подводя итог, — пишет С. Б. Веселовский, — можно сказать, что завещание было написано в промежуток между началом июня и 6 августа, когда царь ... жил в Новгороде в тревожном ожидании неминуемой кровавой схватки его воевод с татарами. Для правильного понимания духовной царя Ивана этот довод имеет очень существенное значение».³ 6 августа 1572 г. Иван узнал о разгроме татар. Восприняв духом, он забыл о своем завещании, которое так и осталось черновым наброском, не получившим юридической силы.

Конечно, по сравнению с аргументами фактическими аргументы психологического порядка могут иметь лишь второстепенное значение. Анализ практических распоряжений завещания показывает, что духовная не могла быть составлена в течение двух месяцев. Так, в тексте духовной мы находим три различных распоряжения относительно удела кн. М. И. Воротынского, которые никак не могли появиться на свет в одно и то же время.

В одном месте духовной Иван признает за Воротынским право на родовой Новосильско-Одоевский удел «со всем по тому, как было изстари», и наказывает сыну не «вступаться» во владения удельного князя.⁴ Второе

¹ См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950 (далее — ДДГ), стр. 444.

² С. Б. Веселовский. Духовное завещание Ивана Грозного. — В кн.: Исследования по истории опричнины. М., 1963, стр. 304.

³ Там же, стр. 306.

⁴ ДДГ, стр. 435.

распоряжение Грозного решительно противоречит первому и содержит указание на конфискацию Новосильского удела и передачу Воротынскому города Стародуба: «А что есьми был пожаловал князь Михаила князь Иванова сына Воротынскаго старою его вотчиною ... и аз ту вотчину взял на себя, а князю Михаилу дал есьми в то место вотчину, город Стародуб Ряполовской» и т. д.⁵ В тексте завещания мы находим еще одно распоряжение Грозного, которое исключает два первых. Иван отказывает наследнику-сыну «город Стародуб Ряполовской ... село Княгинино, что было за Воротынским, в Нижегородском уезде».⁶

Трудно предположить, чтобы указанные взаимоисключающие распоряжения могли быть включены в текст духовной одновременно, на протяжении двух месяцев, пока царь был в Новгороде, а Воротынский оборонял Москву от татар во главе всей русской армии. Обнаруженное противоречие объясняется, по-видимому, наличием в тексте завещания разных слоев, относящихся к различным периодам времени.

Известно, что правительство вернуло Воротынскому родовой удел в апреле—мае 1566 г.⁷ В то время царь объявил повсюду, что он пожаловал Воротынского «по старому и вотчину его старую, город Одоев и город Новосиль ему совсем отдал и болши старого».⁸ Воротынский именовал себя «державцем Новосильским» еще в июле 1567 г. При неизвестных обстоятельствах царь сделал распоряжение о конфискации Новосильского удела и передаче Воротынскому Стародуба. Был ли образован Стародубский удел в действительности, или распоряжение царя осталось неосуществленным проектом? Некоторые обстоятельства свидетельствуют в пользу первого предположения. Во-первых, в завещании прямо указывалось на выдачу Воротынскому меновных грамот, «а ведает ту вотчину (Стародуб, — Р. С.) князь Михайла по меновным грамотам».⁹ Во-вторых, по меновой грамоте Воротынский получил Стародуб и «в Нижегородском уезде село Княгинино». Но еще в начале XVII в. сыну Воротынского принадлежало «в Нижнем село, четвертная пашня неведома».¹⁰ С большой долей вероятности это необмеренное село можно отождествить с упомянутым выше селом Княгининим. Правительство произвело принудительный обмен Новосильского удела на Стародубский не ранее октября 1569 г. (до этого времени Стародуб находился во владении кн. Старицкого) и, вероятно, не позднее августа 1572 г. (после победы на Молодях Воротынский попал в милость, получил высший титул слуги, атрибут удельного владыки и т. д.). Но Воротынский недолго владел Стародубом. В июле 1573 г. он подвергся царской опале и погиб, после чего Стародубское удельное княжество было окончательно ликвидировано.

Противоречивые распоряжения царской духовной отражают различные моменты истории удельных владений Воротынских в период между 1566 и 1573 гг. Они опровергают предположение, будто царская духовная могла быть составлена одним приемом в двухмесячный срок и позволяют обнаружить в тексте духовной наслоения различных лет.

С. Б. Веселовский полностью игнорирует вопрос о документации, положенной в основу царской духовной, и это является, пожалуй, самой сла-

⁵ Там же, стр. 444.

⁶ Там же, стр. 437.

⁷ До опалы в 1562 г. совладельцами Новосильского удела были князья М. И. и А. И. Воротынские. Вскоре младший из братьев умер, старший назван в царской духовной единственным владельцем княжества.

⁸ Сборник Русского исторического общества, т. 71. СПб., 1892, стр. 345.

⁹ ДДГ, стр. 444.

¹⁰ Докладная выпись 121 (1613) г. о вотчинах и поместьях. — ЧОИДР, М., 1895, кн. 1, отд. 1, стр. 1.

бой стороной всей его аргументации. Парадоксально, что С. Б. Веселовский отвергает самую возможность составления завещания на основе подлинных документов приказных архивов. По его словам, «Иван Грозный и дьяк, помогавший писать ему завещание, живя в Новгороде, не имели возможности использовать для быстрых справок московские приказные архивы. Это обстоятельство весьма неблагоприятно отразилось на достоверности завещания Грозного».¹¹

Царская духовная содержит названия сотен географических пунктов, имена многих десятков лиц и предметов, так что маловероятно, чтобы при ее составлении не были использованы разнообразные подлинные документы. В самом тексте завещания встречаются прямые ссылки на многие документы периода опричнины. К числу таких документов принадлежат «казенный список» имущества царевичей, составленный около 1564—1565 гг.,¹² список казенных стародубских вотчин, датируемый серединой 60-х годов,¹³ жалованная грамота «короля Арцымагнуса» и «перемирные грамоты с Жигимонтом Августом королем», подписанные в июне 1570 г.¹⁴ Из всех этих документов наибольший интерес представляет обширный казенный список стародубских княжеских вотчин, вероятно, занимавший в подлиннике царской духовной не одну страницу. Список открывался следующим царским распоряжением: «Да сыну же моему Ивану даю к Володимеру в Стародубе в Ряполовим Стародубских князей вотчины, которые остались за мною ... село Старые Меховицы, что было Романа Гундорова, да село Могучее, что было князь Ивана Пожарскаго Меньшова», и т. д.¹⁵ Далее в завещании следовал длинный перечень перешедших в казну и оставшихся «за царем» стародубских вотчин. Как мы установили в свое время, основная часть этих вотчин перешла в казну после ссылки их владельцев, опальных стародубских княжат в Казанский край в феврале 1565 г. В завещании поименованы владения князей Н. М. Стародубского, Р. И. Гундорова, И. В. Гундорова, И. А. Коврова, И. С. Коврова, М. Б. Пожарского, П. Пожарского, А. Кривоборского с братьями, А. Нагаева, И. Ромодановского, но все эти лица лишились своих вотчин тотчас после введения опричнины. Очевидно, стародубский казенный список был составлен никак не раньше 1565 г. Но он обладал действительным значением сравнительно недолгое время. Начиная с 1566 г. правительство возвращает из ссылки почти всех стародубских княжат и передает некоторые из стародубских вотчин их прежним владельцам. Согласно царской духовной, в казне находились «село Рождественское, да деревня Каменное, да три (треть, — Р. С.) села Василева, что было князь Ивана князь Семенова сына Пожарского»¹⁶ (переписчик, копировавший духовную, допустил здесь ошибку: следует читать фамилию кн. И. С. Коврова). Можно установить, что по возвращении из ссылки князь И. С. Ковров получил от казны всю свою старую вотчину и часть ее (половину сельца Васильевского и деревню Каменное) продал 14 ноября 1566 г., а другую часть (село Рождественское) отказал в монастырь в 1566—1567 (7075) гг.¹⁷ Некоторые другие стародубские княжата добились возвращения вотчин к 1570—1572 гг.

¹¹ С. Б. Веселовский. Духовное завещание Ивана Грозного, стр. 321.

¹² ДДГ, стр. 443. Ср. опись казны царевичей, составленную постельничим В. Ф. Наумовым в 7073 г. (Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. Под редакцией С. О. Шмидта. М., 1960, стр. 49).

¹³ См.: Р. Г. Скрынников. Опричная земельная реформа Грозного 1565 г. — Исторические записки, т. 70. М., 1961, стр. 226—227.

¹⁴ ДДГ, стр. 439—440, 438, 440.

¹⁵ Там же, стр. 434.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Р. Г. Скрынников. Опричная земельная реформа Грозного 1565 г., стр. 227.

Можно полагать, что стародубский казенный список был включен в текст завещания в то время, когда он еще не утратил действительного значения, т. е. в период около 1565—1566 гг. Как раз в этот период, а именно в марте 1566 г., Стародуб перешел в руки удельного князя В. А. Старицкого и возникла потребность в точном разграничении казенных и удельных владений в Стародубе. Вероятно, Грозный включил в завещание список казенных стародубских вотчин, чтобы таким путем оградить владения сыновей в Стародубе от посягательств нового удельного владыки Стародуба. Позже Стародубское княжество перешло во владение М. И. Воротынского, и тогда Иван, как можно полагать, внес поправку в текст завещания: «Да сыну же моему Ивану, — писал он, — . . . Стародубских князей вотчины, которые остались за мною у князя Михаила Воротынского».¹⁸ В стародубском списке помечены не только крупные села, но и отдельные «жеребья» в селах, деревни, а также аккуратно поименованы прежние владельцы вотчин, не исключая вдов и детей. Все эти сведения выглядят в царской духовной как излишние подробности, неуместная детализация и т. д. По-видимому, мы имеем здесь дело с интерполяцией в текст духовной. Датировка интерполяции подкрепляет предположение о том, что Грозный приступил к составлению завещания в первые годы опричнины.

* *
*

Судя по дошедшему до нас тексту завещания, можно думать, что на протяжении 10—15 лет после падения Избранной рады царь Иван составил по крайней мере два проекта завещания. Первый из них появился на свет, вероятно, вскоре после смерти царицы Анастасии и свадьбы царя с Марьей Черкасской летом 1561 г. В этом первом завещании Иван наказывал в случае своей смерти образовать при малолетних царевичах регентский совет. Большинство мест в нем предоставлялось боярам Захарьиным, дядьям царевичей. Подобная мера имела главной целью закрепить престол за детьми от первого брака, на случай появления детей от второй жены. В соответствии с духовной бояре, назначенные в состав регентского совета, принесли присягу на верность царевичам и царице Марье и утвердили рукоприкладством специальную запись относительно принципов правления, служившую приложением к царскому завещанию.¹⁹

Ко времени введения опричнины духовная начала 60-х годов безнадежно устарела. Старый регентский совет почти полностью распался. Один из его членов, кн. П. И. Горенский, пытался бежать в Литву, но был схвачен и предан мучительной казни. Другой его член, боярин И. П. Яковлев-Захарьин, впал в немилость и подвергся кратковременному аресту. Еще один регент, боярин Д. Р. Юрьев-Захарьин, умер и т. д. Место Захарьиных в ближней царской думе заняли новые лица, руководители будущего опричного правительства: боярин А. Д. Басманов, князь А. Вяземский и т. д. Будучи осведомлены о старом завещании царя, они, естественно,

¹⁸ ДДГ, стр. 434.

¹⁹ Бояре-регенты подписали текст присяги, в котором содержалась прямая ссылка на царскую духовную грамоту. «Что еси государь наш царь и великий князь написал в своей духовной грамоте», «а правити нам сыну твоему государю своему царевичу Ивану . . . по твоей духовной грамоте» (см.: СГДД, ч. I. СПб., 1813, № 174, стр. 474). Духовная грамота 1561 г. заключала в себе подробную опись имущества, передававшегося в «надел» царице Марье. Еще в XVIII в. в архиве Посольского приказа хранилась «выписка из духовные, что царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси пожаловал царицу свою великую княгиню Марью, что ей написано в духовной» (см.: Описи царского архива. . . , стр. 49).

старались как можно скорее аннулировать его, чтобы в случае смерти или отречения царя не дать Захарьиным вернуться к власти. Но Грозный взялся за составление новой духовной не только под влиянием домогательств новых советников. В конце 1564 г. Иван пришел к решению об отречении от престола. Подобный политический ход имел главной целью принудить Боярскую думу и «сословия» предоставить монарху чрезвычайные полномочия. Но такой шаг, как отречение от престола, таил в себе слишком большой риск. Иван и его ближайшее окружение должны были считаться с возможностью согласия Боярской думы на царское отречение. В этом случае Грозному следовало серьезно позаботиться о закреплении престола за законными наследниками, царевичами. Официозные летописные отчеты о событиях, предшествовавших введению опричнины, обходят молчанием вопрос о том, в чью именно пользу отрекся Иван в январские дни 1565 г. Между тем некоторые хорошо осведомленные современники утверждают, будто Грозный прямо заявлял о намерении передать власть двум своим сыновьям.²⁰ Косвенным подтверждением подобному известию служит завещание Грозного с его проектом своеобразного «раздела» страны между царевичами Иваном и Федором. Старший из сыновей наследовал Московское царство, младший должен был получить громадный удел, по территории равный целому государству. Федору переходило несколько крупных уездов и городов: Ярославль, Волок-Ламский, Мценск, Серпейск, а также Суздаль, Кострома, Козельск и т. д. Принимая решение об образовании обширного Суздальско-Ярославского удельного княжества, царь Иван руководствовался вполне понятными соображениями. Посредством любых, пусть даже самых рискованных мер он старался упрочить положение царствующей династии, создать дополнительный противовес могуществу боярской аристократии и т. д.

Самой поразительной чертой проекта «раздела» страны в царской духовной является то, что в этом проекте полностью игнорируется деление страны на опричнину и земщину и ни разу не упоминается даже самое имя опричнины. Полное умолчание об опричнине в этой части завещания заставляет предположить, что названный проект царской духовной появился на свет в связи с отречением Грозного, вероятно, еще до того, как был утвержден указ об опричнине, впервые точно определивший ее территориальный состав.

* * *

Предположение о том, что Грозный не раз возвращался к работе над завещанием в первые годы опричнины, подтверждается рядом косвенных данных. Как мы отметили выше, при написании духовной царь не мог обойтись без подлинных документов государственного приказного архива. Между тем до наших дней дошла подробная архивная опись 70-х годов, которая позволяет проследить важнейшие случаи обращения Грозного к архивам в период между 1562 и 1575 гг. Хранители архива тех лет не только составили подробную опись архивных документов, но и регулярно вносили в опись пометы о посылке различных дел к царю.²¹ В 1562—1575 гг. Иван нечасто работал в архиве и, как правило, требовал лишь

²⁰ См.: А. Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934, стр. 18.

²¹ См.: С. О. Шмидт. 1) Царский архив середины XVI в. и архивы правительственных учреждений. — Труды Московского гос историко-архивного института, 1957, № 8; 2) К истории составления описей царского архива XVI в. — Археографический ежегодник за 1958 г. М., 1960, стр. 58—63.

единичные документы. Лишь в одном исключительном случае он провел в архиве полторы недели и за это время просмотрел много десятков документов. Произошло это в первой половине августа 1566 г. В те дни Грозный затребовал к себе духовные грамоты почти всех московских великих князей.²² 7 августа ему принесены были лежавшие в архиве «грамоты докончальные и грамоты духовные и книги великих князей старых». В том же месяце (без указания числа) Иван затребовал к себе ящик с духовными грамотами Ивана Даниловича Калиты, Дмитрия Ивановича Донского, Василия II Васильевича, княгини Е. Старицкой, а также «тетрадь-список з духовные великого князя Василия Васильевича», извлеченную из другого ящика.²³ Одновременно царь проявил исключительный интерес к документации старинных «великих княжеств», а также удельных княжений. Он просмотрел «докончальные грамоты» великих рязанских князей (4 августа), «докончальные» Ивана III с тверскими князьями (7 августа), «грамоту Великого Новгорода посадников ноугороцких и купцов» (август), грамоты жалованные Сигизмунда III и Василия III Смоленску (8 августа), а также «докончальные грамоты» деда и отца с удельными князьями Андреем Углицким и Андреем Старицким (7 августа), «докончальную» отца с Юрием Дмитровским (13 августа), поручные грамоты на удельных князей Бельских, Воротынских, Мстиславских (6 и 7 августа), грамоту «Воротынских князей с Олександром королем» (8 августа), грамоты «Казимера короля Новосильским князем и Одоевским, как им королю служити и подати давати» (14 августа) и т. д.²⁴ Можно полагать, что названные документы послужили источниками для детализации разделов завещания, посвященных великим и удельным княжествам. Царь Иван благословлял наследника «своим царством Руским» (шапкой Мономаха и Москвой), а также «своими великими княжествами», полученными от отца (Владимирским, Рязанским, Смоленским и т. д.), и крупнейшими уделами («а князи Одоевские, Оболенские, Воротынские... своими вотчинами сыну же моему Ивану к великому государству»)²⁵ Каждому из великих княжеств и важнейшим из уделов посвящены специальные разделы царского завещания.

В текст завещания включено подробное описание «прожиточной» вотчины княгини Ульяны, вдовы Юрия Васильевича Углицкого. Примечательно, что в августе царь брал из архива «книги черные, что дано княгине, во иноцех старице Александре княже Юрьеве Васильевича в наделок вотчины».²⁶

Помимо деловых грамот, Иван брал из архива некоторые документы интимного характера, как-то: дело о разводе отца с первой женой С. Сабуровой (7 августа), письма матери княгини Елены Глинской к отцу, а также собственные письма к царевичам (14 августа).²⁷ Письма к царевичам заключали в себе немало наставлений и советов, часть которых, возможно, вошла в поучение «чадцам», включенное царем в духовное завещание.

²² Завещания отца и деда царь хранил в личной канцелярии и использовал их при составлении собственной духовной, по-видимому, в первую очередь (см.: С. Б. Веселовский. Духовное завещание Ивана Грозного, стр. 320; А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, стр. 225).

²³ Описи царского архива..., стр. 25, 31, 36.

²⁴ Там же, стр. 19, 23—26, 32, 33.

²⁵ ДДГ, стр. 433—435.

²⁶ ДДГ, стр. 441; Описи царского архива..., стр. 39—40. Во время работы в архиве Иван просматривал «грамоту Шемячичевские княгини и списки Шемячичевы» (7 и 8 августа) и духовную князя Д. Пенкова (7 августа). В царскую духовную были включены специальные разделы о волостях, «что было за князем Василием Шемячичем», и о вотчинах Пенковых (см.: Описи царского архива, стр. 26, 25; ДДГ, стр. 440—441, 443).

²⁷ Описи царского архива..., стр. 23, 36.

Подбор документов, затребованных во дворец в первой половине августа 1566 г., свидетельствует, что в тот период царь Иван был занят скорее всего работой над духовной грамотой. Грозный вернулся к завещанию под влиянием глубокого политического кризиса, возникшего после выступления против опричнины участников созванного в Москве Земского собора. В июле опричники казнили трех вождей фронды и подвергли торговой казни несколько десятков дворян. Спустя две-три недели царь приступил к работе в архиве.

Завещание не было завершено в августе 1566 г. В тексте духовной можно обнаружить целый ряд слоев, которые никак не могли появиться на свет ранее весны—лета 1572 г. Именно к этому периоду ведут упомянутые в завещании имена митрополита Антония и четвертой жены Грозного Анны Колтовской. После свадьбы с Анной царь, естественно, должен был переделать завещание.

На первых страницах духовной Иван наказывал сыновьям не забывать родной матери Анастасии и «благодатных матерей», умерших цариц.²⁸ Казалось бы, в том же разделе он должен был определить взаимоотношения сыновей с их новой мачехой Анной. На самом деле распоряжение относительно Колтовской и ее семьи попали на самые последние страницы завещания, не к месту. Иван наказывал отвести новой жене и возможным детям от нее крупные уделы с центрами в Ростове, Угличе и Зубцове.²⁹

В самом конце завещания, после раздела относительно семьи Колтовских, Грозный мимоходом упоминает об опричнине. Указание на опричнину противоречит основному тексту духовной, содержащему проект «раздела» страны между царевичами и не учитывающему деления государства на опричнину и земщину. Названный проект составляет основу практической части завещания. Упоминание об опричнине отличается лаконизмом, не связано с основным текстом и помещено на самых последних страницах духовной. Все это позволяет предположить, что здесь мы имеем дело с позднейшей интерполяцией в текст духовной. «А что есьми учинил опришнину, — пишет царь, — и то на воле детей моих, Ивана и Федора, как им прибыльнее, и чинят, а образец им учинен готов».³⁰ По-видимому, этот пункт был внесен в завещание во время последней основательной переделки его в 1572 г. После разгрома опричной верхушки в 1570—1571 гг. и победы земской армии над татарами летом 1572 г. Иван стал подумывать об отмене опричнины, чем и объясняется странное равнодушие его к дальнейшей судьбе любимого детища.

* *
*

В духовном завещании Грозного практическим распоряжениям предпослано обширное литературное введение, распадающееся на две части, «исповедание» и «поучение чадцам». В отличие от других литературных произведений царя здесь почти вовсе отсутствует элемент яростной полемики и изобличения противников, а излюбленные политические идеи Грозного облечены в форму страстной исповеди, сокровенных размышлений, самообличений и т. д.

В публицистическом введении привлекают внимание прежде всего жалобы царя на неблагодарность людскую: «... тело изнеможе, болезнует дух ... и не сущу врачу, исцеляющему мя, — пишет Иван, — ждах, иже со

²⁸ ДДГ, стр. 433.

²⁹ Там же, стр. 443.

³⁰ Там же, стр. 444.

мною поскорбит, и не бе, утешающих не обретох: воздаша ми злая возблагая, и ненависть за возлюбление мое».³¹ Главными обидчиками царя оказываются самовольные бояре, изгнавшие его и заставившие скитаться по странам. «А что по множеству беззаконий моих, божию гневу распростершуся, изгнан есмь от бояр, самоволства их ради, от своего достояния и скитаюся по странам, а може бог когда не оставит».³²

По мнению С. Б. Веселовского, приведенные строки появились на свет незадолго до отмены опричнины. Но при таком понимании жалобы царя на изгнание от бояр и неблагодарность людскую превращаются в совершенную бессмыслицу. Старое боярство, самовольно распорядившееся в Боярской думе в пору всевластия Избранной рады, подверглось истреблению и разгрому в годы массового опричного террора в 1568—1571 гг. К концу опричнины из старых бояр в живых остались лишь считанные единицы. С. Б. Веселовский интерпретирует завещание таким образом, будто царь, жалуясь на неблагодарность людскую, имел в виду только опричников.³³ Но такая интерпретация не находит достаточного основания в самом тексте завещания. К тому же за год-два до отмены опричнины старое опричное руководство было разогнано: наиболее влиятельные члены опричной думы кончили жизнь на плахе, в тюрьмах и ссылке. Бессмысленно было бы жаловаться в 1572 г. на неблагодарность тех, кого давно уже не было в живых.

Жалобы Грозного приобретают вполне конкретный смысл, если предположить, что они появились накануне учреждения опричнины, т. е. в тот момент, когда царь впервые приступил к составлению новой духовной грамоты. В декабре 1564 г. Иван и его семья, захватив казну, покинули «царство», Москву и уехали в Александровскую слободу. Вслед за тем Грозный объявил, что из-за боярской измены он решил отказаться от власти, «оставил свое государство и поехал, где вселится, идеже его, государя, бог наставит».³⁴ В завещании царь вполне откровенно объяснял причины своего отъезда «с государства» и отречения от престола. Он изгнан от своего достояния самовольными боярами и в поисках места, «где вселиться», вынужден скитаться по сторонам. В строках царского завещания слышны прямые отзвуки драматических событий, предшествовавших введению опричнины.

Духовная Грозного проникнута тревогой, какими-то мрачными предчувствиями. С. Б. Веселовский угадывает в них смертельную тревогу царя перед лицом татарского вторжения лета 1572 г.³⁵ На наш взгляд, пафос завещания заключен в другом. Звучащие в нем трагические жалобы отражают то душевное смятение, которое владело Грозным накануне введения опричнины. В дни отречения от престола и отъезда в Слободу царь трусил и малодушничал, смертельно тревожась за будущее династии и судьбу сыновей. Как передают очевидцы, в связи с отречением Иван впал в тяжелое нервное расстройство, внезапно изменившее весь его облик. В течение каких-нибудь двух недель у него выпали почти все волосы на голове. Когда после десятидневного отсутствия Грозный вернулся в столицу, многие не могли узнать его, так сильно он изменился.³⁶ В первых строках своего духовного «исповедания» Иван писал: ум «острюпись, тело изнеможе, бо-

³¹ Там же, стр. 426.

³² Там же, стр. 427.

³³ С. Б. Веселовский. Духовное завещание Ивана Грозного, стр. 315—316.

³⁴ ПСРА, т. XIII, ч. 2. СПб., 1906, стр. 392.

³⁵ С. Б. Веселовский. Духовное завещание Ивана Грозного, стр. 312.

³⁶ G. Hoff. Erschreckliche, greuliche und unerhörte Tyranny Iwan Wasiljewic. Б. м., 1582, S. 5.

лезнует дух, струпы телесна и душевна умножишася».³⁷ Как видно, жалобы на изнеможение тела и болезни духа, которыми начинается царское завещание, не были простой риторической фразой.

«Исповедание» Грозного содержит не одно поразительное признание. Царь сознается во всевозможных тяжких грехах и преступлениях: срамословии, гневе и ярости, пьянстве и блуде, граблении и убийствах. Под конец он откровенно пишет, что своими злыми делами снискал себе всеобщую ненависть: «Аще и жив, но богу скаредными своими делы паче мертвеца смраднейший и гнуснейший ... сего ради всеми ненавижим есмь».³⁸ Царь говорил о себе то, чего не смели произнести вслух его подданные. Покаяния царской духовной служили как бы предвестником тех чудачеств и сумасбродств, которым Иван предался в опричнине. Из отъявленных опричных палачей царь образовал своеобразное подобие монашеского ордена. Юродствующие братья делили свое время между застенком и церковью. После очередного кровавого погрома опричники облекались в черные монашеские куколки и предавались посту и молитвам. В пародии на монастырь юродствующий царь был игуменом, а Малюта пономарем.³⁹

В царской духовной покаяния переходят почти без всякой паузы в поучения и наставления любимым «чадцам». Желая уберечь детей от собственных ошибок, связанных с правлением Избранной рады, Иван советует царевичам приобрести навык во всяком «обиходе», чтобы править самовластно. Теория единовластия облекается в следующий отеческий совет детям: «... всякому делу навывайте ... и иноческому, и ратному, и судейскому, московскому пребыванию и житейскому всякому обиходу ... ино вам люди не указывают, вы станите людям указывать; а чего сами не познаете, и вы сами ста[ни]те своими государством владети и людьми».⁴⁰ Царь явно желал предупредить сыновей от опеки со стороны временщиков и фаворитов, чего сам не избежал в период десятилетнего правления Сильвестра и Адашева.

В последующих поучениях Грозного явственно проступают контуры близкой опричной реформы. «А людей бы есте, которые вам прямо служат, — наставляет царь сыновей, — жаловали и любили их, ото всех берегли, чтобы им изгони ни от кого не было, и оне прямее служат».⁴¹ Приведенные рассуждения в самом скором времени воплотились в привилегиях и полной безнаказанности опричников. Иван усердно внушает сыновьям милосердие по отношению к подданным: «А каторые лихи, и вы б на тех опалы клали не вскоре, по разсуждению, не яростию».⁴² Конечно, если бы царь вздумал поучать сыновей милосердием и снисхождением после кровавых оргий периода массового опричного террора (1568—1571 гг.), в его словах можно было бы усмотреть сплошную ложь и лицемерие. Накануне опричнины этот совет звучал совсем иначе. Напомним, что при учреждении опричных казни подверглось не более десятка человек и репрессии носили сравнительно умеренный характер.

Поучение «чадцам» Иван заканчивает родительским благословением: «А будет бог помилует, — пишет царь сыновьям, — и государство свое доступите и на нем утвердитесь и аз благословляю вас».⁴³

На этом литературно-публицистическая часть духовной оканчивается, и далее следуют деловые, практические распоряжения.

³⁷ ДДГ, стр. 426.

³⁸ Там же.

³⁹ G. Hoff. Erschreckliche ... S. 9 об

⁴⁰ ДДГ, стр. 427.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, стр. 433.

* *
*

Датировка завещания и анализ его публицистического введения имеют существенное значение для реконструкции источника в целом. Можно полагать, что первый черновой набросок духовной царь составил в дни отречения от власти на пороге опричнины. Черновик включал, по-видимому, обширное введение («исповедание» и поучение «чадцам»),⁴⁴ а также общий набросок деловой части с проектом «раздела» страны и образования обширного удельного княжения для царевича Федора. В черновике проект был намечен скорее всего в виде общей схемы. В последующие годы царь многократно возвращался к завещанию, исправляя и дополняя его. В то время в текст завещания были включены, в частности, первое распоряжение относительно Новосильского удела,⁴⁵ стародубский список вотчин⁴⁶ и т. д. При последнем редактировании завещания, незадолго до отмены опричнины Грозный переделал практическую часть завещания, по-видимому, самым основательным образом,⁴⁷ оставив почти без изменений литературную, вводную часть завещания. Даже при последнем редактировании черновик не был подвергнут окончательной правке, которая бы устранила имевшуюся там путаницу и согласовала противоречивые распоряжения различных лет. Иван не довел работы до конца и после опричнины вовсе забросил черновик завещания.

Точная датировка, определение наслоений различных лет открывает целый ряд новых и интересных сторон в духовном завещании Грозного, своеобразном литературном памятнике эпохи опричнины. Весьма примечателен литературный стиль публицистического введения духовной. Тревожное и даже трагическое настроение, владевшее царем в те годы, пробивается наружу в удивительно образных выражениях и оборотах. Язык, книжный и выпрennyй, с многочисленными ссылками на писание, перемежается с живой разговорной речью. Иван поминутно нарушает избранный жанр и смешивает различные стили письма. Ходульная риторика в духе книжников XVI в., дающая себя знать в традиционном покаянии, отступает на задний план в поучении «чадцам», нередко поражающем своим серьезным и искренним тоном. В строгое повествование духовной вторгаются импровизации. Подобная манера письма сближает духовную с лучшими из посланий Грозного и ставит ее в один ряд с интереснейшими литературно-публицистическими памятниками XVI в.

⁴⁴ Там же, стр. 426—433

⁴⁵ Там же, стр. 435.

⁴⁶ Там же, стр. 434—435.

⁴⁷ Там же, стр. 433—444